

УДК 81'22:811.161.1

О ФАЗОВЫХ ПЕРЕХОДАХ В ЛИНГВОКОНЦЕПТОСФЕРЕ (художественное, политическое и религиозное сознание)

В.В. Волков

Представления «наивного» языкового сознания о политике и политиках, религии и верующих периодически претерпевает радикальные изменения, которые носят характер «фазовых переходов» от одного состояния к другому. Эти переходы находят отражение в новых словах и значениях преимущественно диффамационного характера. Особенно ярко на рубеже XX–XXI веков в изменениях русской лексики отразилась девальвация понятий «демократия» и «либерализм», «религия» и «атеизм».

Ключевые слова: лингвокультурология, концептосфера, герменевтика, политические концепты, религиозное сознание, коннотация, «фазовый переход», демократия, либерализм, религия, атеизм.

Введение. Постановка проблемы

Фазовый переход – радикальное изменение системы с переходом за некоторую границу – изначально термин естественных наук (например, изменение агрегатного состояния вещества: жидкая вода – лед, пар). *Точки* фазового перехода могут быть связаны с изменениями температуры, давления и других параметров. В проекции на динамику культуры, в том числе её эстетической, политической и религиозной составляющих, – это, например, процессы эстетизации, политизации и деполитизации общественного и индивидуального сознания, сакрализации, десакрализации и ресакрализации языковых единиц, фиксирующих различные состояния сознания, связанные с «температурой» и «давлением» эстетических, исторических, идеологических и религиозных обстоятельств, в терминах синергетики – *точки бифуркации* как разделения течения жизни («жизнетворчества») на два потока, применительно к общественному и индивидуальному сознанию и существованию – *точки выбора: с кем-чем и куда далее.*

Показательные примеры фазовых переходов, глобально охватывающих все сферы жизни, – в российской, советской и вновь российской истории XX века: в эстетической сфере – сначала Серебряный век со сломом традиционной реалистической парадигмы к модернизму, затем к «социалистическому реализму», в конце века – к постмодернизму; в сфере политики – через период поисков к большевизму и коммунизму и вновь к поиску устойчивых форм организации политической жизни; в сфере религии – к агрессивному атеизму и вновь к традиционным религиям.

Лингвистическое отображение и одновременно языковые катализаторы разнообразных фазовых переходов в эстетической, политической и религиозной сферах жизни – радикальные «смены знаков», в том числе

семантические трансформации ключевых лексем эпохи, их аксиологических ассоциативных связей и коннотативных окрасок.

Ленин как политическая фигура большевизма – и *ленинизм* как сакрализованная коммунистическая идеология неоязыческого толка, персонифицированная обожествленной мумией вождя в Мавзолее на Красной площади; *Апокалипсис-1* (с *А* прописной) как сакральное Откровение апостола Иоанна Богослова о судьбах мира, с чаемым финалом: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откр. 22: 5), – и десакрализованное профанное представление об *апокалипсисе-2* как «конце света», гибели всего и вся; *благодать* в секулярном прочтении («что-то хорошее, доставляющее наслаждение, радость»), ведущем к гедонистическому отношению к жизни, к религии денег и потребления, вплоть до сакрализации потребления, – и ресакрализованное, заново входящее в нашу жизнь значение существительного *благодать*: «Особая Божественная милость, ниспосылаемая человеку для его спасения; Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [Скляревская 2008: 55].

Характерный сигнал «фазовых переходов» в той части русской лингвокультуры, которая отражает изменения в пространстве религиозного сознания (имеем в виду не только изначально сакральные, но и идеологически сакрализованные элементы этого сознания; например, *коммунизм* и *демократия*, наряду с *атеизмом* и *агностицизмом*, – наиболее распространенные «секулярные “религии”» современности), – пейоративизация изначально нейтральных или даже мелиоративных именовании, превращение их из «позитивных» – в «негативные», в пейоративы как языковые единицы, несущие «семантику пренебрежения, неодобрения, презрения, уничтожения, критики и порицания» [Лескина 2010: 6].

В проекции на динамику отношения россиян к политике фазовые переходы связаны с *политизацией* и *деполитизацией* сознания, с ценностными (в аксиологии) и оценочными (в языке) изменениями в реакциях на различные явления политической жизни. В словарном толковании *политизация* – это «пробуждение интереса к политике, политической жизни», *деполитизация* – «ослабление политической активности, утрата интереса к политике» [Толковый словарь... 1998: 473, 202]; в обобщённой формулировке, вскрывающей существо «фазового перехода», *деполитизация* и *политизация* различаются по параметру «утрата (отсутствие) / обретение ощущения значимости политической сферы для жизни “простого человека”». Переход от советского периода отечественной истории (как идеологически стабильного) к постсоветскому (идеологически нестабильному) связан с политизацией сознания, с существенными (даже радикальными) изменениями в тех оценочных смыслах, которые связываются в сознании носителей языка с лексемами, именующими феномены политического.

Буквально на наших глазах *коммунизм* (явление, мелиоративно окрашенное) стали именовать пейоративным квазисинонимом *тоталитаризм*,

из секулярного варианта «религии спасения» коммунизм, будучи демонизирован, стал трактоваться как религия «империи зла». Пришедшую на смену коммунизму *демократию* – ведущую «политическую религию» современности – тут же окрестили иронично-насмешливым, даже бранным *дерьмократия*, и не без оснований. Причина – в очевидном кризисе современной демократии, которая, по энциклопедически удостоверенной характеристике политологов, выражается «в утрате интереса больших масс к демократическим процедурам», в том, что «термин “демократия” стал всё больше и больше использоваться как бессодержательный ярлык, выдаваемый одним государствам другим», что «за последние 100 лет демократия из светлого идеала превратилась в фарс», что она обретает статус «демократической религии» со столицей в Вашингтоне, подобно тому как столица католичества – в Риме, а ислама – в Мекке, и т. д. [Волков 2012: 77]. *Исламизм* (в истоках коннотативно нейтральное именование, с сакральной основой семантики) «наивное» языковое сознание нередко трактует уже не как «учение ислама», его отождествляют с *исламским фундаментализмом* («религиозно-политическое течение некоторых мусульманских организаций, основанное на крайней ортодоксальности, непримиримости к другим вероисповеданиям и использующее в своей политике экстремистские и террористические методы; исламизм» [Толковый словарь... 2008: 427–428]), воспринимающимся в исключительно негативном оценочном ключе.

Семантические трансформации такого рода, будучи тесно связанными с фундаментальными лингвоментальными и изоморфными им лингвокультурными и цивилизационными «фазовыми переходами», нуждаются в специальном внимании и углубленном изучении.

Художественное сознание: семантический этимон *эстетики* как маркер трансцендирования

Для художественного сознания характерны своеобразные «упреждающие» – по отношению к другим лингвоментальным сферам – фазовые переходы. Установка на «упреждение» – уже в самом этимоне сущ. *эстетика*. По определению Е. Аничкова в Словаре Брокгауза и Ефрона, *эстетика* «составляет особую отрасль философии, занимающуюся красотой и искусством» [Энциклопедический словарь 1894: 85]. Сходные толкования, отражающие существо обиходных представлений об эстетике, фиксированы в любом современном словаре общеупотребительной лексики, например: «*Эстетика*... Философское учение о сущности и формах прекрасного в искусстве, в природе и в жизни» [Новейший большой толковый словарь... 2008: 1526]. В соответствии с ними, основной объект эстетики как науки – *Прекрасное (Красота)*, – феномен, интуитивно очевидный каждому, но как эстетическая категория крайне неопределённый, диффузный.

Современная философия, избегая опоры на *понятие* прекрасного, стремится найти иной словарный идентификатор – в специфическом

отношении человека к действительности и в специфическом опыте её освоения, ср.: «**Эстетика**... наука о неутилитарном созерцательном или творческом отношении человека к действительности, изучающая специфический опыт её освоения, в процессе (и в результате) которого человек ощущает, чувствует, переживает в состояниях духовно-чувственной эйфории, восторга, неопишуемой радости, блаженства, *катарсиса*, экстаза, духовного наслаждения свою органическую причастность к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ, свою сущностную нераздельность с ним, а часто и конкретнее – с его духовной Первопричиной, для верующих – с Богом» [Бычков 2010: 456].

Как видим, этот специфический опыт не поддаётся компактной вербализации; в цитированном определении он отражён в квазисинонимическом ряду, который потенциально может расширяться до «дурной бесконечности».

Один из лингвистических ключей к смысловому ядру феномена эстетического – в этимологической внутренней форме, в семантическом этимоне существительного *эстетика*.

Этимологически сущ. *эстетика* восходит к др.-гр. прилагательному *aisthētikos* ‘способный чувствовать, одарённый чувством, чувствующий’ – от *aisthētēs* ‘ощущающий, чувствующий’ < *aisthēsis* ‘ощущение, чувство, чувство (как способность видеть, слышать) > замечание, понимание, познание’ (этимологически родственные *анестезия*, *гиперестезия*, *сенсорный*, *эстет* и др.). Соответственно *эстетический* – художественный, связанный с чувством прекрасного, способностью воспринимать красоту, *эстетичный* – красивый, изящный, *эстетизм* – 1) склонность к *эстетическому*, к красоте, совершенным формам; 2) чрезмерное пристрастие к внешним формам в искусстве в ущерб содержанию, син. *эстетство*.

Как видим, в семантическом этимоне *эстетики* как творческого акта – *эстетизис* как восхождение от чувственного к вне- и сверхчувственному, к ощущению / переживанию / познанию Бытия как Красоты. «...в антропологическом основании идеи культуры лежит идея человеческого бытия, как бытия *самоустремлённого*. Человеческий эстетизис, его чувственная плоть эстетична: в его зрение, слух, осязание встроены вторые, обращенные к первым восприятия: зрение зрения (начало живописи), слух слуха (начало музыки) и т.д. В человеческую жизнедеятельность встроены изобретающие её “искусства”. Человек в своем бытии отнесен к бытию, т.е. вынесен за его пределы, благодаря чему он и есть существо *онтологически* сознающее и мыслящее» [Теоретическая культурология 2005: 36] (в ситуации восприятия произведения искусства *эстетизис* выступает как эмпатическое («вчувствующееся») понимание Другого, ср.: «В искусстве человек, обреченный всей своей чувствующей плотью и душой встраиваться в наличные формы восприятия, воображения, эмоциональной интонированности, свободно заново формирует сам эстетизис человеческого общения (автор – читатель; Я – другое Я – Ты)» [там же]). В эстетическом акте человек оказывается в ситуации

самопреодоления, самопревосхождения, выхода за пределы непосредственно данного.

Именно об этом, о выходе за пределы чувственно-очевидного – одно из ключевых слов, входящих в семантическое поле эстетики, – *экстаз* ‘состояние крайней степени восторга, доходящего до исступления’. Его семантический этимон связан с лат. *extasis, exstasis* ‘изумление’ – из гр. *ekstasis* ‘букв. «смещение» > изумление, восхищение, восторг’ < *existemi* ‘выставлять, выводить из обычного положения и ставить в другое’ < прист. *ex-* в значении ‘из’ (выхода за пределы чего-л.) + *histēmi* ‘ставить’.

Этимологически однокоренное, связанное с *экстазом* энантиосемически, – *система* – нечто упорядоченно-равновесное, «определённый порядок, основанный на планомерном расположении и взаимной связи частей чего-л.» [Новейший большой толковый словарь... 2008: 1190]. Это современное значение отчетливо фундируется гр. *systema* ‘нечто составленное из многих частей, соединённое в одно целое; состав, соединение, стройное целое’ – от *synistēmi* ‘ставить вместе; соединить под своей властью, подчинить себе что-л.’ < *syn-* ‘вместе с...’ + *histēmi* ‘ставить’.

Этот заложенный в этимоне сущ. *эстетика* семантический заряд хорошо просматривается в характерах и судьбах творческих людей – как правило, судьбах нестандартных.

Творец, художник в самом широком смысле этого слова – всегда «человек без определённого, непреложно установленного места» в этом мире, откуда его традиционное противопоставление обывателю, *мещанину*, как «человеку привязанному», ср.: *мещанин* – из польск. *mieszczanin* ‘горожанин; буржуа’ – от *miasto* ‘город’, калька нем. *Burger* ‘бюргер’ < *Burg* ‘замок > прибежище, защита, оплот’ (букв. «житель города»).

В каком-то смысле художник всегда *экстремист* – в соответствии с семантическим этимологием мотивирующего прил. *экстремальный* ‘крайний, предельный’: лат. *extremus* ‘крайний, конечный > чрезвычайный > критический, тяжёлый > высший, величайший’ – превосх. к *exter* ‘находящийся вне, наружный, внешний; иноземный, чужеземный, иностранный’ (для восприятия семантики *экстремального* значима и ложная этимология, основанная на выделении субморфа *ex-* / *экс-* в значении ‘из’ (как в сущ. *экстаз*), который в *экстремальном* составляет часть корня). Он устремлён за пределы внешнего – к внутреннему, от низкого – к высокому, от общего – к индивидуальному, от привычного – к новому, от утилитарного – к самодостаточному; наконец, от обыденного, очевидного – к сверхъестественному, трансцендентному.

Художник как человеческий тип – едва ли не наиболее яркий *трансцендер* – в том смысле, который вкладывал в этот термин Абрахам Маслоу: «... они гораздо чаще оказываются знакомы с реальностью Бытия, с жизнью на уровне Бытия; иначе говоря, с конечными целями, с внутренними ценностями... Они с большей очевидностью метамотивированы, более или менее часто обладают объединяющим сознанием и “плато-переживаниями”... Они имеют либо имели в прошлом пиковые переживания (мистические,

сакральные, экстатические), сопровождавшиеся озарениями или инсайтами, изменившими их взгляд на мир и на себя» [Маслоу 2011: 314].

В личности *трансцендера*, в том числе художника, характеристика *трансцендентный* утрачивает профанный налёт одиозности, обретает свой исходный смысл, основанный на актуализации сем ‘преодоление’, ‘переход’, индуцируемых приставкой *транс-*: лат. *transcendens, transcendentis* ‘выходящий за пределы’ – от *transcendere* ‘переходить, перебираться; переступить, перешагивать; опережать, превосходить’ < *trans* ‘сквозь, через’ + *scandere* ‘восходить, подниматься, взбираться, влезать > возноситься, возвышаться; достигать’.

При этом современное значение *трансцендентного* («недоступное (непосредственному) познанию, находящееся за пределами непосредственного опыта») нивелируется: «недоступное» оказывается для трансцендера не просто в пределах досягаемости, но становится органичной частью его (не существовании, но) Бытия, его «двоемирности», *здесь-и-там* принадлежности.

Разумеется, трансцендер – движитель любой сферы бытия, не только «сферы красоты», где он выступает как *homo aestheticus* – «человек эстетический», особый тип личности, для которого фраза «Красота спасет мир» – не афоризм, требующий осмысления, но живое непосредственное чувство, – в противоположность типу *homo communis* ‘человек обыкновенный’ (< лат. *communis* ‘общий; обыкновенный, обычный, общепринятый’ < *com-* ‘вместе с...’ + *munus* ‘обязанность, служба, должность, пост; задание > повинность, бремя; положение, состояние’), для которого эта фраза – вечная загадка.

Русский религиозный философ и богослов С.Н. Булгаков (1871–1944) в самом значительном своем труде «Свет Невечерний» печально констатировал: «Огромное количество людей остается как бы слепорожденными или непробужденными в области красоты, другие отрицают объективный смысл красоты, сводя её к прихоти вкуса, к чистому субъективизму или “психологизму”; и огромное же количество людей способно скучать перед “Сикстиной” и за Бетховеном и услаждаться дешевой олеографией и слащавым вальсом» [Булгаков 2008: 13]. Следуя логике этимона сущ. *эстетика*, это проблема *эстетизиса* – «восхождения» от непосредственно-сенсорного восприятия мира – к способности видеть «внутренним зрением».

Таким образом, ядро семантического поля «Эстетика» включает следующие элементы: дескрипторный термин *эстетика*; морфосемантически связанное с ним *эстетизис* – именование процесса эстетического мыследействия как восхождения от чувственного к сверхчувственному; латинизированное именование субъекта эстетического мыследействия и мыслечувствования – *homo aestheticus* («человек эстетический»), а также именование *трансцендер*, фиксирующее основное свойство субъекта эстетического – способность к *трансценденции* от чувственного к сверхчувственному.

Феномены политического: пейоративное и мелиоративное переосмысление

Феномен политического по-разному трактуется и/или воспринимается в политологии как науке (чаще всего, как *координация* деятельности институционализированных структур общества), в практической работе политиков (*управление* государством) и в обиходе (*борьба за власть*). Предельно обобщая, в целях наглядности эти различия целесообразно отобразить в виде прямых вопросов: 1) *что* нужно делать (для координации), *как* (управлять) – вопросы науки политологии и практической политики; 2) *кто* властвует – ключевой вопрос «наивного сознания». Второй из названных – вопрос «наивного» сознания, связанный с типовой ситуацией выбора претендента на государственную должность «по имиджу», «по харизме», а не по деловым качествам, – нередко даже в научной и учебной политологической литературе трактуется как основной атрибут политического. *Политиком* считают того, кто борется за государственную власть и/или на основе избирательных процедур оказывается на государственной должности.

Наиболее очевидное лингвокультурное проявление этой особенности восприятия феномена политики – в типовых обиходных именовании периодов отечественной истории, например, советских лет: *эпоха Сталина / Хрущева / Брежнева...* Перифрастические характеристики «культ личности», «оттепель», «застой» также однозначно ассоциируются с фигурами политических лидеров.

Смысл внутренней (словообразовательной и/или лексико-семантической) формы лексем *оттепель*, *застой* может интерпретироваться на основе **метафоры фазового перехода**, поскольку семантика этих лексем по принципу антонимической аттракции (антонимического «притяжения») ассоциируется с предшествующим или последующим этапом истории – как в определённом отношении противоположным текущему, ср.: *оттепель* (при Хрущеве) – «мороз» (при Сталине), *застой* (при Брежневе) – «движение» (при Горбачеве). Аналогичные семантические отношения фиксируются и в почётных прозваниях некоторых российских императоров, ср., например: *Петр I Великий*, *Екатерина II Великая* – прозвания, противопоставляющие их предшественникам как сравнительно «малым», *Александр II Освободитель* – прозвание, основывающееся на антонимии «свобода – (крепостной) плен», *Александр III Миротворец* – прозвание по параметру «война – мир», поскольку в годы его правления Россия впервые за долгое время не вела больших войн, и т. д.

Некоторые теоретико-лингвистические пояснения. Оценочность – один из важнейших параметров членения лексикона. Объективные оценки типа *большой* – *маленький*, *умный* – *глупый* эмоционально нейтральны; субъективные оценки, типа *светлая голова* – *недоумок*, *идиот*, как правило, эмоционально-стилистически маркированы, сначала поляризуются на мелиоративные и пейоративные, далее детализируются, с одной стороны, в оценки типа «высокое», «ласкательное», с другой стороны – «неодобрительное», «презрительное», «бранное» и т. п. Пейоративные пометы

в словарях преобладают, что отражает общую тенденцию лексикона к «негативному крену» в оценочном отображении бытия: «позитив» воспринимается как норма и в специальной маркировке не нуждается, «негатив» – как отклонение от условной нормы, что и отражается в коннотативном ореоле слова, а затем и в словарных пометках. Так, мелиоративное в сталинскую эпоху именование *сталинизм* в последующий период приобретает негативные коннотации, которые в синонимичном пейоративе *сталинщина* составляют основную часть его семантики; аналогичные деантропонимические образования *хрущевизм* и *хрущёвец*, *хрущёвщина*, *неохрущевизм* («Идеология, согласно которой построение капиталистического (при Хрущеве – коммунистического. – В. В.) общества в СССР, в России возможно в течение жизни одного поколения» [Тираспольский 2006: 205]), *брежневизм* и *брежневист*, *брежневек*, *брежневщина* уже сразу фиксируют негативное отношение к политическим деятелям Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу и к тем явлениям политической жизни, которые ассоциируются с их пребыванием на вершине власти.

На рубеже XX–XXI веков «фазовые переходы» в восприятии и оценке многих политических феноменов происходят стремительно, вследствие чего в один и тот же период времени мелиоративные и пейоративные коннотации могут ассоциироваться с одной и той же лексемой, а пейоративные образования носят оценочно более «жесткий», в лингвистическом отношении – зачастую открыто диффамационный и даже бранный характер.

Показательный в этом отношении лингвокультурологический материал – именованья различных «политических направленностей», т.е. обобщённые именованья различных политических учений, политических идеологий, форм государства и т.п. Полный конкретный перечень таких именованья (т.е. конкретный перечень возможных «политических направленностей») практически необозрим, поскольку в пределе охватывает все возможные идеологии, формы государства, политические и религиозные учения и т.п. Обозримый перечень основных «политических направленностей» по необходимости включает лишь то, что существенно «здесь-и-сейчас» (для данной страны в данный момент её истории), в частности, для нашей страны в настоящий период: *авторитаризм*, *анархизм*, *демократия*, *диктатура*, *коммунизм*, *консерватизм*, *конституционализм*, *либерализм*, *национализм*, *расизм*, *тоталитаризм*. Практически каждое из этих именованья на рубеже XX–XXI веков подвергается в различных слоях носителей языка мелиоративному и/или пейоративному переосмыслению – вплоть до *семантической трансмутации* как полного перерождения смысла (вопрос о трансмутации как эстетическом, научном и религиозном феномене рассматривается нами в: [Волков 2013: 192–202]). Характерный сигнал «фазовых переходов» в той части русского лингвокультурного пространства, которое отражает представления носителей языка о существовании политических изменений, – пейоративизация изначально нейтральных или даже мелиоративных именованья, превращение их из «позитивных» – в

«негативные», в пейоративы. Буквально на наших глазах *коммунизм* стали именовать *тоталитаризмом*, «развитой социализм» – «эпохой застоя», *ислам* ассоциировать с *терроризмом*, вместо *демократия / демократы* распространились иронично-насмешливые, даже бранные *дерьмократия / дерьмократы*, *либерализм* политические противники характеризуют уничижительным *либерастия* (от *либерализм + педерастия*) и т. д. Можно, разумеется, предположить, что это лишь различие «точек зрения». Но только ли в этом дело? Не отражают ли пейоративные именованья такого рода некие глубинные процессы, связанные со сменой культурных парадигм, с «фазовыми переходами», а возможно, даже «взрывами» [Лотман 1992] в пространстве политической культуры / политического сознания, которые на «поверхностном», конкретно-событийном уровне политической жизни выступают как орудия / проявления различных видов современных *гибридных войн*, прежде всего информационно-психологических (подробнее см.: [Волков 2017])?

Сосредоточим внимание только на двух политических феноменах – *демократия* и *либерализм*. Изначально сопряженные с сугубо мелиоративными оценками, на рубеже XX–XXI веков они насыщаются пейоративными коннотациями.

Демократия / демократы, по свидетельству авторов коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия», иногда парадоксальным образом в публицистике первых постсоветских лет перефразистически именовались такими диффамационными лексемами, которые ассоциируются с *коммунистической* идеологией и практикой («перестройка» *красного фашизма, коммунофашизм, иудокоммунисты, дембольшевизм* [Русский язык... 1996: 421]), но типичнее окказиональные словообразовательные производные, включающие прямой номинативный элемент *дем-* (*демкрады, демпауасы, дембанда, демпроститутки*), в том числе в наложении с лексемой *коммунисты* (*демунисты*). Диффамационная направленность наиболее очевидна в каламбурном *дерьмократы*, в сложениях типа *демгнида, демговно, демзасранец, демсвинья, демсволочь*. Оскорбительный характер таких публично используемых словоупотреблений, безусловно, нацеленных на унижение чести и достоинства, умаление деловой репутации адресата / предмета речи (см., например: [Понятия чести... 2004: 28, 73]), может становиться предметом судебного разбирательства, поскольку словоупотребления такого типа противоречат обеим составляющим русского правосознания – как юридическим, так и этическим.

Причины пейоративной синонимизации *демократии* с *дерьмократией* и другими диффамационными образованиями представляются достаточно очевидными. Это трансформация *демократии* как политического явления из «народовластия» в симулякр – в «пустое понятие», словесную обертку, лишенную реального содержания, – в «управляемую демократию». В современном словоупотреблении явление «управляемой демократии» соотносится с лексемами *антидемократия, квазидемократия, лжедемократия,*

полудемократия, псевдodemократия, что отражает кризис современной «демократии», которая на международной арене в условиях информационно-психологической войны фактически выступает как политически сакрализованное манипулятивное средство гибридной войны, ведущейся странами Запада, прежде всего США, за достижение глобального доминирования. Во внутривнутриполитической жизни страны активная защита такой «демократии» её сторонниками в лексемах *демшиза, демофрения* (*дем-, демо- + шизофрения*) применительно к личности «демократа» квалифицируется как психиатрическая проблема, применительно к явлению в целом – как признак утраты / утрачивания лексемой *демократия* изначального конструктивного смысла, обретения ею устойчивых негативных ассоциативных связей (ср., например: «Под символом “демократия” подразумевают: права и свободы личности, плюрализм мнений, свободу критиковать Президента. Реальное значение символа “демократия” – власть денег, нищета населения, рабский труд, авторитарный режим...» [Лисичкин, Шелепин 2005: 304]).

На чём основывается пейоративная синонимизация *либерализма* с *либерастией* – лексемой, которую следует квалифицировать как бранную (поскольку *гомосексуализм* воспринимается русским языковым сознанием как сугубо негативное явление [Волков 2013], а синонимичное *педерастия* – как половое извращение)? Общий ответ: на том, что лозунг приоритета свободы личности над обязанностями человека по отношению к обществу и государству, отражающий суть либерализма как политического явления, многими носителями русского языка, особенно патриотически и «государственно» настроенными («государственниками»), воспринимается как «извращение» социальной природы человека. Ср. типичное энциклопедическое толкование: «**Либерализм**... социально-политическое учение и общественное движение, провозглашающее самодостаточную ценность свободы индивида в экономической, политической и др. сферах жизни общества» [Большая актуальная политическая энциклопедия 2009: 164]; сжатая формулировка учебника: «...разновидность политической идеологии, отстаивающей приоритет прав и интересов личности по сравнению с интересами государства и общества» [Мухаев 2008: 484].

В семантической основе понятия «либерализм», как явствует из приведённых толкований, лежит оппозиция «личность – государство». **Правовой статус личности**, по юридическому определению, – это «комплекс социально-экономических, политических, культурных и др. *гражданских прав и свобод*, а также обязанностей *граждан*» [Тихомирова, Тихомиров 2008: 735]. Понятие «личность» в сфере политики представлено в двух разновидностях: 1) «человек» как лицо, рассматриваемое безотносительно к наличию/отсутствию устойчивой правовой связи с государством (опорное терминологизированное словосочетание – *права человека*); 2) «гражданин» как человек, находящийся в устойчивой правовой связи с государством (опорное терминологизированное словосочетание – *права и обязанности гражданина*).

Существительные *человек* и *гражданин* не являются абсолютными синонимами. *Человек* – родовое понятие, *гражданин* (по отношению к *человеку*) – видовое. Видовое понятие всегда шире по содержанию, чем родовое, но уже его по объёму (объём и содержание понятия находятся в обратно пропорциональной зависимости: чем шире содержание понятия, тем уже его объём, и наоборот). Объём понятия «человек» неопределенно велик (поскольку его содержание чрезвычайно общее), а следовательно, неопределенно широкими являются и его «права» по отношению к обществу и государству («права человека»). Объём понятия «гражданин» уже, чем объём понятия «человек», поскольку его содержание шире: *гражданин* всегда связан с *государством* набором не только *прав*, но и *обязанностей*.

Отсюда: либеральная установка на расширение *прав* (человека) ведёт к сокращению *обязанностей* (гражданина), требование расширения *прав* – это одновременно и требование сократить *обязанности*. В этом суть *либерализации* – «ослабления влияния государства в разных сферах общественной жизни: политики, экономики, культуры, системы образования и т. д.» [Толковый словарь... 2008: 537].

Границы возможной либерализации определяются *пределом сокращения* тех обязанностей гражданина, которые определяются *законом* и культурной *традицией*. Поскольку переход за предел возможностей сокращения *обязанностей* (гражданина) во имя расширения *прав* (человека) ведет к разрушению государства и общества, то, следовательно, публичное требование такого перехода является требованием *экстремистским* (в юридическом смысле этого термина, см., например: [Галяшина 2006]) – строго в соответствии с внутренним смыслом прилагательного *экстремальный*: из лат. прилагательного превосходной степени *extremus* ‘крайний, конечный > чрезвычайный > критический, тяжелый > высший, величайший’ – от *exter* ‘находящийся вне, наружный, внешний’.

Либерализм в своём развитии всегда чреват опасностью перехода через границу допустимого – в *ультралиберализм*. Характерные примеры: ультралиберальная свобода гомосексуальных отношений, в условиях её неконтролируемого расширения, ведёт к вырождению народа, поскольку гомосексуальные пары не могут оставлять потомства; свобода от воинской обязанности (например, замена её альтернативной службой) в условиях невозможности для государства содержать полностью профессиональную армию может привести к тому, что страна перед лицом внешнего врага окажется беззащитной.

Своеобразное предостережение об опасности развития процессов *либерализации* до опасного предела содержится уже в латинском этимоне прилагательного *liber*, в его семантическом развитии от исходного значения к производным, ср.: *liber* ‘свободный, вольный, независимый > благородный, прямой, откровенный > своевольный, разнузданный, распущенный, распутный’. Иначе говоря, *либерализация* в процессе своего развития чревата опасностью «фазового перехода» от *свободы как независимости* – к *свободе*

как *разнузданности*. Лингвокультурный сигнал, явленный в словоупотреблении *либерастия*, предупреждает об этой опасности, равно как и образованное по аналогии с ним бранное существительное *толерастия* (← *толерантный / толерантность*), поскольку *толерантность*, наряду с основным значением «терпимость к чужим мнениям, поведению и т. п.», выступает как носитель и вторичных смыслов, связанных с «терпимостью» к таким социально осуждаемым в России явлениям, как однополые браки. Пейоративный сигнал о неприемлемости для менталитета россиян феноменов, связанных с *ультралиберализмом*, несут также собирательные сущ. *либерастня* и *толерастня*, выступающие как носители ярко-уничижительной коннотации по отношению к тем, кто следует ультралиберальной идеологии и практике.

В современном публичном дискурсе, сознавая пейоративный характер существительного *либерастия* (и, соответственно, существительного *либераст*), специально подчёркивают, что речь идёт не о *либералах* в традиционном значении этого слова, но о «либероидах», об «ультралибералах», фактически предающих интересы своего народа и своей страны, ср. характерное замечание одного из интернет-модераторов: «Ну и в заключение – небольшая цитата из традиционных обращений к читателям нашего сайта: “напомним, что термин “либераст” участники дискуссии на нашем Форуме договорились использовать для того, чтобы отличать настоящих либералов, то есть сторонников свободы личности от всех насильственных внешних воздействий, от тех, кто стоит за “свободу личности” исключительно от российского государства, но, скажем, не от Международного валютного фонда или международных финансовых авантюристов”» [Хазин [http](#)]. Точно сказал И.В. Смирнов в книге «Либерастия», размещённой в сети Интернет ещё в начале 2000-х, но в печатном виде, насколько нам известно, не вышедшей: «...либеральная “общественность” ведёт с государством – со своим собственным, демократически избранным! – войну на уничтожение, как будто это вражеская оккупационная администрация; причём в тех областях, где государственное регулирование необходимо и незаменимо» [Смирнов [http](#)]. Он же, видимо, впервые использовал и сущ. *либерастия* в смысле, который сводится к формулировке «сторонники ультралиберализма как антигосударственной идеологии».

Религионимы и феномены религиозного: коннотативная энантиосемия

Термин *религионим* используется филологами как в узком значении «именование какой-либо религиозной конфессии» (*христианство, ислам, иудаизм* и т. п.), так и в широком – «совокупность лексем, отображающих фрагмент языковой картины мира, связанный с религией», т.е. как терминологическое отображение понятия «религиозная лексика», как именование соответствующей лексикографической фасеты, фиксируемой профильными словарями (например: [Али-заде 2007; Складская 2008]).

Эволюционные процессы в «динамической синхронии» религионимов в контексте лексикологии трактуются на основе понятий «архаизация» / «актуализация» («уход в пассив» / «возвращение в актив» [Толковый словарь... 1998]), в контексте лингвокультурологии – на основе понятий «десакрализация» / «ресакрализация» (утрата / возвращение сакральных религиозных смыслов и коннотаций).

Для выяснения существа эволюционных процессов в сфере религиозной лексики необходимо, с одной стороны, опираться на широкое понимание термина *религионим*, что даёт возможность рассматривать религионимы в пространстве религиозной фазеты языкового сознания как целом; с другой стороны, опираться не только на лексикологические представления о динамике лексикона («архаизация» / «актуализация»), но и на те лингвокультурологические представления, вне которых анализ динамики религиозной фазеты не представляется достаточно продуктивным («десакрализация» / «ресакрализация»). Характерное явление, связанное с обоими названными аспектами, – динамика коннотативной энантиосемии, которая может служить своеобразным лингвокультурным сигналом существенных изменений – «фазовых переходов» в пространстве религиозного сознания.

Коннотативная энантиосемия религионимов – это не только наличие у одной лексемы прямо противоположных оценочных окрасок – мелиоративной и пейоративной (как, например, в случае библеизма *нищие духом*, который в обиходе воспринимается как уничижительное, а в евангельском прочтении – как высокое), но и как окрасок по параметру «секулярное» – «сакральное», в котором фиксируется, с одной стороны, сфера употребления лексемы, с другой стороны, её соотнесённость с соответствующей сферой (языкового) сознания. Показательные примеры – дифференцирующие написания *бог* и *Бог*, различающиеся не только по сигнификату (*боги* языческих религий – *Бог* монотеистической религии), но и коннотативно, что наиболее явно в секулярной установке на написание *бог* в любом случае, что вызывает протест сакрально-религиозного отношения к *Богу* как *Творцу*, создавшему мир, управляющему им, «являющему людям любовь, милосердие и всепрощение» [Скляревская 2008: 61]; *церковь* как «православный храм» и *Церковь* как «мистическое соединение всех верующих с Богом», как «Тело Христово» [Там же: 406], как «столп и утверждение истины» [Флоренский 2003], по слову апостола: «... как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3: 15).

Сакрально-религиозная устремлённость сознания ведёт к написанию с заглавных букв и некоторых названий конфессий и мировых религий (например, *Православие*, *Ислам*), что отмечается даже в научных публикациях, до последнего времени как бы «по определению» считавшихся сугубо секулярными; возвращаются в общую практику написания *Библия* и *Коран* именно с заглавных букв – тоже как имён собственных, что в недавний агрессивно-атеистический период отечественной истории по меньшей мере не

приветствовалось. Это последнее обстоятельство соотносится с изменениями толкований в авторитетных словарях, ср., например, в Малом академическом («Библия... Книга, содержащая мифы и догматы еврейской и христианской религий» [Словарь русского языка 1981: 89]) и в его «наследнике», современном словаре Института русского языка («Библия... 1. (Б. прописное). Канонизированное собрание священных книг иудейской и христианской религий» [Толковый словарь русского языка... 2008: 44]). Аналогичная трансформация – с *коран* и *Коран*. За изменением в написании – не только признание прав *Библии* и *Корана* на статус имени собственного, но и признание их сакрального характера, который не фиксируется специальной лексикографической пометой, но в современных толкованиях отражается в конкретизаторе «священный».

Это характерные проявления *ресакрализации*. Однако современный «фазовый переход» связан и с новым витком *десакрализации*, в результате чего возникает своеобразное «расщепление» линии семантического развития религиозной лексики на две коннотативные энантиосемические ветви (лингвокультурный знак расщепления религиозного сознания). *Христианизация* и *исламизация* вновь, как и в былые времена, – носители полярных оценок: с одной стороны, процесс возрождения / расширения духовности на религиозной основе («позитив»), с другой стороны – навязывание ценностей и образа жизни верующих христиан / мусульман («негатив»).

Всё как уже бывало. Религии любви и мира... Но, несмотря на это, *христианство*, оборачиваясь своей энантиосемической стороной, становилось *инквизицией*, подавлением и даже уничтожением инакомыслящих, *ислам* – *джихадом*, нацеливающим правоверных не на борьбу с их собственными пороками, а на тотальное истребление «неверных».

Выводы и перспективы

История развивается по спирали, на каждом очередном витке возвращаясь к пройденному, но в иной окраске. Император Николай II, в советский период отечественной истории прозывавшийся «кровавым», ныне канонизирован в сонме новомучеников и исповедников российских как страстотерпец (современная антропонимическая формула – *Святой Император Всероссийский Николай II Александрович Страстотерпец*), лексема *авторитаризм* обретает мелиоративные окраски, причём не только в рядах сторонников монархии, но и в среде патриотически настроенных «государственников», где она синонимизируется со словосочетанием *вертикаль власти*; существительное *Православие* всё чаще пишут с заглавной буквы, подчёркивая тем самым, что речь идёт не об «опиуме народа», но о важнейшей духовной опоре личности, общества и государства. Возможно, и лексемы *демократия* и *либерализм* в будущем, на очередном витке исторической спирали, вновь обретут в массовом сознании исходные

мелиоративные смыслы. Но это определяется не языком, который лишь отражает / фиксирует ментальные изменения, но теми скрытыми от непосредственного наблюдения процессами, которые совершаются в глубинах народного духа.

«Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч...» – учил Спаситель (Мф. 10: 34). А ещё раньше звучало пророчески: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1: 9). Круг лингвокультурных изменений – как уроборос, змея, кусающая свой собственный хвост. Новые межэтнические, межконфессиональные, межгосударственные, межкультурные контакты – новые позитивные и негативные явления и слова, фиксирующие их. Затем борьба с «негативом» и его преодоление – всегда временное, потому что на смену тому, что преодолено, приходит то же самое – лишь в новом обликии.

Конец XX – начало XXI века в России отмечен множеством практически мгновенных трансформаций различных культурных концептов, настолько существенно меняющих обликии, что метафора *фазовый переход* представляется не вполне достаточной; возможно, лучше было бы говорить о *трансмутации* как полном перерождении, если бы не мелиоративная окраска феномена *трансмутации*, который, как правило, ассоциируется с позитивным перерождением – с *вос-*, а не *нис-*хождением. Такого рода лингвокультурные сигналы свидетельствуют о гигантском «взрывном» (в семиотическом смысле понятия «взрыв» [Лотман 1992]) потенциале, казалось бы, вполне привычных для «наивного» языкового сознания лексем, фиксирующих фундаментальные представления о политике и религии – как изначально сакральных, так и идеологически сакрализованных. Их пейоративное и мелиоративное, коннотативное и энантиосемические развитие предупреждает об опасностях, с которыми сталкивается современная цивилизация в своих «фазовых переходах» на пути в будущее.

Список литературы

Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.

Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / Ред.-сост. А.В. Беляков, О.А. Матвейчев. М.: Эксмо, 2009. 424 с.

Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2008. 640 с.

Бычков В.В., Быков О.В. Эстетика // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет, предс. В.С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2010. С. 456–466.

Волков В.В. Гомосексуализм в современной России: лингвокультурологический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 168–173.

Волков В.В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103–113.

Волков В.В. Оценка ксенофобных именовании лиц в юридической лингвистике // Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы: Материалы Всерос. научно-практ. конференции. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012. С. 135–142.

Волков В.В. Филология в системе современного гуманитарного знания: Учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. 220 с.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический Мир, 2006. 96 с.

Лескина С. Д. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.20 / С.Д. Лескина ; Челябинский гос. пед. ун-т. Челябинск, 2010. 42 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: Информационная оккупация продолжается. М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. 416 с.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис : Прогресс, 1992. 272 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.

Мухаев Р. Т. Политология: Учебник для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2008. 495 с.

Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. 328 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. 480 с.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель: АСТ, 2008. 447 с.

Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1981. 698 с.

Смирнов И.В. Либерастия [Электронный ресурс] // SU.POL. Сайт эхоконференции Fido политической тематики. URL: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm>. (Дата обращения: 11.07.2018.)

Теоретическая культурология / Отв. ред. О.К. Румянцев. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

Тираспольский Г. И. Словарь политической борьбы: материалы 1988–96 гг. Сыктывкар: Ин-т управления и междунар. связей, 2006. 400 с.

Тихомирова Л.В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.

Хазин М. Либералы всех стран, соединяйтесь! [Электронный ресурс] // WorldCrisis. Мировой кризис – хроника и комментарии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1061477>. (Дата обращения: 11.07.2018.)

Энциклопедический словарь: В 86 т. / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. Т. 41. СПб., 1894. 576 с.

**ABOUT “PHASE TRANSITIONS” IN THE LINGUISTIC
CONCEPTOSPHERE
(aesthetic, political and religious consciousness)**

V.V. Volkov

Commonplace language notions about policy and politicians, religion and believers periodically undergo radical changes which have the character of “phase transitions” from one state to another. These transitions are demonstrated in new words and meanings mainly of defamatory character. At the turn of the XX–XXI centuries devaluation of the concepts “democracy” and “liberalism”, “religion” and “atheism” was reflected especially distinctly in the changes in Russian vocabulary.

Keywords: linguistic culturology, conceptosphere, hermeneutics, political concepts, religious consciousness, connotation, “phase transition”, democracy, liberalism, religion, atheism.